

осуществляется в Нем как в бесконечном акте; и поскольку Он бытийность всякого бытия, а всякое движение стремится к бытию, то Он есть покой движения, Его конечная цель как последняя форма и действительность бытия. Все сущее стремится поэтому к Нему; но поскольку вещи конечны и не могут быть в совершенно одинаковой мере причастны последней цели, то одни общаются к ней через посредство других, как линия возводится к шару через посредство треугольника и круга, треугольник – через посредство круга, а круг – сам через себя.

ГЛАВА 24 ОБ ИМЕНИ БОГА И УТВЕРДИТЕЛЬНОЙ ТЕОЛОГИИ

После того как теперь мы с Божьей помощью на математическом примере постарались в нашем незнании приобрести больший опыт относительно первого максимума, исследуем для полноты нашего учения еще и имя максимума. Если будем верно держать в памяти вещи, часто говорившиеся выше, это рассмотрение не составит труда.

В самом деле, если максимум есть тот максимум просто, которому ничто не противостоит, то ясно, что ему не может подходить никакое собственное имя; ведь все имена налагаются исходя из некоторой неповторимости смысла, благодаря которому одно отличается от другого, а там, где все вещи суть единое, никакое собственное имя невозможно. Гермес Трисмегист справедливо говорит: "Поскольку Бог есть всеобщность вещей, ни одно имя не есть Его имя собственное, иначе или Бога пришлось бы называть всеми именами, или все называть Его именем", раз в своей простоте Бог свернуто заключает всеобщность вещей. По его словам, это собственное имя – которое мы называем неизреченным, а еще тетраграммой, то есть «четырёхбуквенным», и которое является собственным потому, что отвечает Богу не по тому или иному отношению Его к творению, а по Его собственной сущности, – надо толковать как "единый и все", или, лучше, как "все в единстве". Так же и мы находили выше, что максимальное единство – то же самое, что все в единстве. Но еще более точным и уместным именем, чем "все в единстве", представляется «единство», и недаром пророк говорит: "В тот день будет Господь един, и имя Его – единое", а в другом месте: "Слушай. Израиль (то есть духовно видящий Бога): Бог твой един есть".

С другой стороны, единство есть имя Бога не в том смысле, в каком мы обычно именуем или понимаем единство, потому что как Бог превосходит всякое понимание, так тем более Он превосходит всякое имя. Имена налагаются сообразно нашему различению вещей движением рассудка, который много ниже интеллектуального понимания; рассудок не в силах выйти за пределы противоположностей, и нет имени, которому в его движении не противопоставалось бы другое. Соответственно, единству в движении рассудка противоположно множество, или многочисленность. Богу подходит не это единство, а такое, которому не противоположны ни различие, ни множество, ни многочисленность. Такое единство и будет Его максимальным именем, свертывающим все в простоте своего единства. Это имя несказанно и превосходит всякое понимание. В самом деле, кто сможет понять бесконечное, бесконечно предшествующее всякому противоположению единство, где в единой простоте без составления свернуто все сущее, где нет другого или разного, где человек не отличен от льва, а небо не отлично от земли, и тем не менее каждая вещь есть истиннейшим образом она сама, – не в конечности своего бытия, а как свернуто заключаемая максимальным единством? Если бы кто-то смог понять или назвать такое единство, которое, будучи единством, есть все и, будучи максимумом, то он постиг бы имя Божие. Но поскольку имя Божие есть Бог, Его имя тоже знает только тот ум, который сам есть максимум и сам есть максимальное имя. Так в ученом незнании мы постигаем: хотя «единство» представляется ближайшим именем максимума, оно еще бесконечно далеко от истинного имени величайшего, которое есть сам максимум.

Отсюда ясно, что утвердительные имена, которые мы приписываем Богу, Его бесконечно умаляют. В самом деле, они присваиваются Ему всегда ввиду чего-либо встречающегося среди творений, поскольку же все частное, отдельное, имеющее противоположность может подходить Богу только с крайним умалением Его, утвердительные определения в отношении Его пусты, как говорит Дионисий: если назовешь Его истиной, на ум приходит ложь, если назовешь добродетелью, на ум приходит порок, если назовешь субстанцией, на ум приходит акциденция и так далее, тогда как Бог если и субстанция, то всеобъемлющая, которой ничто не противостоит, и если истина, то лишь всеобщая и без противоположений, почему эти частные имена могут подходить ему лишь с бесконечным умалением. Никакие вообще утверждения, вкладывая в Него нечто от своих значений, не могут ему подходить, потому что. Он не более нечто, чем все.

Если утвердительные имена и подходят Ему, то лишь в аспекте творений. Не то что творения суть причина, но какой они Ему подходят, – максимум от творений ничего заимствовать не мо-